

Глава 1

Лесные сны

Лес полон благоухания. Оно исходит не от отдельного цветка или листа. Это не густой аромат темной рыхлой земли и не сочность фруктов, вызревших до приторной сладости. Запах, который я помню, соединяет в себе все это — солнечный свет, пробуждающий самую их суть, и легчайший ветерок, смешивающий их в единое целое. Она пахла именно так.

Мы лежали рядом в беседке. Над нами тихонько покачивались кроны деревьев, и в такт их движениям на наших телах танцевали солнечные лучи. Ползучие растения, свисающие с ветвей у нас над головами, зеленой стеной окружали лесное убежище. Моя нагая спина утопала в густом мху, а ее нежная рука служила мне подушкой. Лозы и лианы укрывали наше ложе за пологом листьев и крупных бледно-зеленых цветов. Чашелистики вытягивали вперед мясистые губы лепестков, тяжелых от пыльцы. Большие бабочки с оранжевыми в черных отметинах крылышками исследовали их. Одно из насекомых слетело с низко свисающего цветка, опустилось на плечо моей возлюбленной и принялось ползать по ее бархатной пятнистой коже. Я смотрел, как оно развернуло черный хоботок, чтобы попробовать на вкус капельки испарины лесной женщины, и позавидовал ему.

Я тонул в неопишемом покое и удовлетворении, превосходящем по силе страсть. Я лениво поднял руку, чтобы преградить дорогу бабочке, но она бесстрашно перебралась на мои пальцы. Тогда я поднял ее, превратив в изысканное украшение для густых спутанных волос моей возлюбленной. Почувствовав мое прикосновение, она открыла глаза, зеленые с легкой примесью каревого. Она улыбнулась, и я привстал, опираясь на локоть, и поцеловал ее, а она прижалась ко мне пышной, поразительно мягкой грудью.

— Мне жаль, — тихо проговорил я, отстранившись после поцелуя. — Мне так жаль, что пришлось тебя убить.

Ее глаза были грустными, но по-прежнему любящими.

— Я знаю, — ответила она, и в ее голосе не прозвучало упрека. — Не переживай, мальчик-солдат. Все будет так, как должно. Теперь ты принадлежишь магии и будешь делать то, что ей потребуется.

— Но я убил тебя. Я любил тебя — и убил.

Она мягко улыбнулась:

— Такие, как мы, не умирают, подобно прочим.

— Значит, ты все еще жива? — спросил я, отодвинулся и, опустив глаза, посмотрел на ее живот.

Она солгала. Моя сабля оставила широкую рану, внутренности вывалились наружу и лежали между нами на мху. Они были розовыми с серым, извивались, точно жирные черви, и, теплые и скользкие, грудой лежали на моих голых ногах. Ее кровь перепачкала мои гениталии, я попытался закричать и не смог. Попытался отстраниться от нее, но мы словно срослись друг с другом.

— Невар!

Вздвогнув, я проснулся и сел на койке, беззвучно хватая воздух открытым ртом. Надо мной нависло высокое бледное привидение, и я сдавленно вскрикнул, прежде чем узнал Триста.

— Ты стонал во сне, — сказал мне Трист.

Я судорожно провел руками по бедрам, потом поднес ладони к глазам и в тусклом свете, падающем из окна, разглядел, что на них нет крови.

— Это всего лишь сон, — заверил меня Трист.

— Извини, — пристыженно пробормотал я. — Я разбудил тебя.

— Ты не единственный, кого мучают кошмары.

Тощий кадет сел в ногах моей постели. Когда-то он был стройным и проворным, сейчас же походил на скелет, а двигался как немощный старик. Он закашлялся и с трудом перевел дух.

— Знаешь, что снится мне? — спросил он, но не стал дожидаться ответа. — Мне снится, будто я умер от чумы спеков. Потому что я на самом деле умер. Я был среди тех, кто умер, а потом ожил. Но мне снится, что, вместо того чтобы оставить мое тело в лазарете, доктор Амикас позволил им вынести меня вместе с трупами. В этом сне меня бросили в глубокую яму и засыпали известью. Мне снится, что я прихожу в себя под телами, от которых несет мочой и блевотиной, а известь разъедает мою плоть. Я пытаюсь выбраться, но на меня падают все новые и новые трупы. Я рвусь наружу изо всех сил,

продираюсь через гниющую плоть и кости и вдруг понимаю, что карабкаюсь на тело Нейта. Он умер и гниет, но он открывает глаза и спрашивает: «Почему я, Трист? Почему я, а не ты?»

Трист неожиданно вздрогнул и обхватил себя за плечи.

— Это всего лишь сны, Трист, — прошептал я.

Вокруг спали другие первокурсники, которым посчастливилось пережить чуму. Кто-то кашлял во сне, кто-то другой забормотал, потом принялся скулить, словно щенок, но вскоре затих. Трист был прав. Не многие из нас спали спокойно.

— Это всего лишь плохие сны. Все кончилось. Чума нас пощадила. Мы выжили.

— Тебе легко говорить. Ты поправился. Ты здоров и полон сил.

Он встал. Рубашка висела на иссохшем теле, и в тусклом свете спальни его глаза казались темными дырами на лице.

— Может, я и выжил, но чума не пощадила меня. И мне придется жить с тем, что она со мной сделала, до конца своих дней. Думаешь, я когда-нибудь смогу возглавить атаку, Невар? Мне едва удастся выдержать на ногах утреннее построение. Моя карьера военного закончилась, не успев начаться. Мне уже никогда не жить так, как я собирался.

Он встал и шаркающей походкой вернулся к своей кровати. Когда он сел на нее, он уже тяжело дышал.

Я медленно откинулся на подушку. Трист снова хрипло прокашлялся и лег. Меня несколько не утешало то, что его тоже мучают кошмары. Я вспомнил древесного стража и содрогнулся.

«Она умерла, — уверил я сам себя. — Она больше не может пробраться в мою жизнь. Я ее убил. Я убил ее и вернул себе ту часть своей души, которую она украла и соблазнила. Она больше не может мной управлять. Это всего лишь сон».

Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, перевернул подушку прохладной стороной вверх и опустил на нее голову. Впрочем, я не решился закрыть глаза, опасаясь провалиться обратно в кошмар, и принялся размышлять о настоящем, стараясь прогнать ночные ужасы.

Со всех сторон меня окружала темнота, мои выжившие товарищи спали. Спальня Брингем-Хауса представляла собой длинное, открытое помещение с большими окнами в каждом конце. Вдоль стен выстроились два аккуратных ряда коек, всего сорок, но только

тридцать одна из них была занята. Полковник Ребин, командующий Королевской Академией каваллы, объединил сыновей старой аристократии с сыновьями боевых лордов и вернул кадетов, исключенных в этом году, но даже эта мера не смогла полностью восстановить наши сократившиеся ряды. Полковник мог сколько угодно говорить о нашем равенстве, но я полагал, что только время и близкое знакомство уничтожат пропасть, разделявшую сыновей старых аристократических семей и тех из нас, чьи отцы получили свои титулы от короля в благодарность за заслуги на поле боя.

Ребин был вынужден нас объединить. Чума спеков, пронесшаяся по Академии, истощила ее. Из нашего курса выжила только половина кадетов. Второй и третий пострадали не меньше. Погибли не только студенты, но и преподаватели. Полковник Ребин делал все, что мог, чтобы реорганизовать Академию и вернуть ее к прежнему распорядку, но мы все еще зализывали раны. Чума спеков уничтожила целое поколение будущих офицеров, и армия Гернии остро ощутит эту утрату в ближайшие годы. Именно этого и добивались спеки, когда магией насылали на нас страшную болезнь.

Когда начался новый учебный год, наш боевой дух был подорван. Не только из-за числа смертей, свидетелями которых мы стали, хотя уже и это было ужасно. Чума пришла к нам и убивала как хотела, — враг, бороться с которым не помогала вся наша подготовка. Сильные, храбрые юноши, мечтавшие отличиться на поле боя, умирали в своих постелях, перепачканные блевотиной и мочой, жалобно призывая матерей. Солдатам не стоит напоминать о том, что они смертны. Мы полагали себя юными героями, полными энергии, отваги и желания жить. Чума показала нам, что мы тоже можем умереть, что мы так же уязвимы, как беспомощные младенцы.

В первый раз полковник Ребин собрал нас на плацу в составе прежних подразделений, скомандовал: «Вольно!» — и приказал нам оглядеться и увидеть, сколько наших товарищей погибло. Затем он произнес речь, сообщив, что чума стала первым сражением, в котором нам удалось выжить, и что как она не делала различий между сыновьями старых аристократов и боевых лордов, так не станут делать и пуля или клинок. Пока он формировал новые подразделения, я размышлял над его словами. Я сомневался, действительно ли он понимал, что чума спеков не являлась случайной заразой и на самом

деле была ударом, направленным против нас, столь же явным, как военная атака. Спеки послали исполнителей танца Пыли с далеких восточных границ Гернии в столицу с вполне определенной задачей — распространить болезнь среди аристократии и будущих офицеров армии. Они успешно сократили наши ряды. И если бы не я, их успех был бы полным. Иногда я этим горжусь.

А порой вспоминаю, что, если бы не я, они вообще ничего не смогли бы нам сделать.

Я безуспешно пытался заглушить угрызения совести. Я стал невольным помощником спеков и древесного стража. Нет моей вины, говорил себе я, в том, что я оказался в ее власти. Много лет назад мой отец доверил мое обучение воину из равнинных племен. Девара едва не убил меня своим «воспитанием». И под конец решил «сделать из меня кидона», познакомив с магией своего народа.

По собственной глупости я позволил ему опоить меня и ввести в потусторонний мир его народа. Он сказал мне, что я могу завоевать славу и почет, сразившись с древним врагом кидона. Но после ряда испытаний передо мной возникла толстая старуха, сидящая в тени огромного дерева. Я был сыном-солдатом своего отца, воспитанным в рыцарском духе каваллы, и не мог поднять меч на пожилую женщину. И из-за этой неуместной галантности был побежден ею. Она «отняла» меня у Девара и сделала собственной пешкой. Часть меня осталась с ней в мире духов. Пока я вырослел и начинал свое обучение в Академии, чтобы стать офицером каваллы, эта часть работала на стража. Древесная женщина превратила ее в спека во всем, кроме пятнистой кожи, через нее шпионила за моим народом и выдумала жуткий план уничтожить нас чумой. Изображая пленных танцоров, ее посланники прибыли в Старый Тарес на карнавал Темного Вечера и спустили на нас болезнь.

Мной овладела часть моего существа, бывшая спеком, и я подал исполнителям танца Пыли знак, подтверждая, что они достигли цели. Люди, пришедшие на карнавал, думали, что смотрят на примитивную пляску, а на самом деле вдыхали болезнь вместе с летящей пылью. Когда я со своими товарищами ушел с праздника, мы уже были заражены. И вскоре болезнь охватила весь Старый Тарес.

Я крутился на постели в темной спальне, взбивал подушку и уговаривал себя: «Прекрати думать о том, как предал свой народ.

Думай лучше о том, как спас его».

Так и было. В лихорадочном забытьи, рожденном чумой, мне наконец удалось вернуться в мир древесного стража и бросить ей вызов. Я сумел не только вернуть украденную ею частичку души, но и убить лесную женщину. Я вспорол ей живот холодным железом сабли и отрезал ее от нашего мира. Ее владычество надо мной закончилось. Думаю, я сумел выздороветь, поскольку обрел утерянную часть себя. Ко мне вернулись здоровье и силы, и я даже начал прибавлять в весе. Иными словами, я снова стал целым.

Дни и ночи, следовавшие за моим возвращением в Академию и к военной жизни, показали, что вместе с тем, чуждым собой я поглотил и его память. Его воспоминания о древесном страже и ее мире рождали красивейшие сны о прогулках по первозданному лесу вместе с поразительной женщиной. Мне казалось, что две половинки меня разделились и пошли разными дорогами, а теперь воссоединились вновь. Уже то, что я это принимал и пытался впитать чужие чувства и мнения, явно говорило о влиянии на меня другого моего «я». Прежний Невар, которого я так хорошо знал, посчитал бы подобное слияние богохульным и невозможным.

Я убил древесного стража и не сожалел об этом. Она отнимала жизни ради «магии», которую извлекала из разрушающихся душ. Среди ее жертв должны были оказаться мой лучший друг Спинк и кузина Эпини, и я убил стража, чтобы спасти их. Я знал, что спас и самого себя, и дюжины других жизней. При свете дня я не думал о содеянном, а если и думал, то радовался тому, что одержал победу и помог друзьям.

А вот по ночам, когда я парил между сном и явью, меня переполняли печаль и чувство вины. Я скорбел об убитом мной существе, и тоска по лесной женщине опустошала меня. Спек во мне был ее любовником и горевал о том, что я убил ее. Но это был он, а не я. Во сне он на короткое время овладевал моими мыслями, но с приходом дня я снова становился Неваром Бурвилем, сыном своего отца и будущим офицером королевской каваллы. Я победил. И буду побеждать и дальше. И сделаю все возможное, чтобы исправить зло, причиненное предательством другого моего «я».

Я вздохнул, понимая, что мне уже не уснуть, и попытался успокоить свою совесть. Чума, которую мы пережили, в чем-то

сделала нас и сильнее. Она объединила кадетов. Намерение полковника Ребина положить конец противопоставлению сыновей старой и новой знати почти не встретило сопротивления. За последние несколько недель я лучше узнал первокурсников из старых аристократов и понял, что по большому счету они мало чем отличаются от ребят из моего прежнего дозора. Яростное соперничество, разделявшее нас в первой половине года, осталось в прошлом. Теперь, когда Академия стала единым целым и мы начали свободно общаться друг с другом, я спрашивал себя, почему я так их ненавидел. Возможно, они были более утонченными и изысканными, чем их собратья, родившиеся на границе, но к вечеру оказались такими же первокурсниками, как и мы, стонавшими от тех же взысканий и обязанностей. Полковник Ребин позаботился о том, чтобы как следует перемешать нас в новых патрулях. И тем не менее моими самыми близкими друзьями остались четверо выживших ребят.

Рори занял место моего лучшего друга, когда пошатнувшееся здоровье Спинка заставило его покинуть Академию. Его бесшабашность и грубость жителя приграничья, как мне казалось, стали неплохим противовесом чопорности и правилам. Всякий раз, когда я погружался в уныние или задумчивость, Рори помогал мне из них выбраться. Он изменился меньше прочих моих товарищей. Трист больше не был тем же высоким красавчиком-кадетом, столкновение со смертью отняло у него уверенность в собственных силах. Теперь, когда он смеялся, в его смехе всегда слышалась горечь. Корт сильно тосковал по Нейту. Горе согнуло его, и, хотя он поправился, он постоянно бывал настолько хмур и подавлен, словно без друга мог жить лишь наполовину. Толстяк Горд ничуть не похудел, но казался довольным своей судьбой и держался с достоинством, которого прежде у него не было. Когда казалось, что чума уничтожит всех, родители Горда и его невесты позволили своим детям обвенчаться, чтобы те успели вкусить от жизни хоть малую толику. Судьба оказалась к ним благосклонна, и чума их не коснулась. И хотя над Гордом по-прежнему потешались, а некоторые презирали его за тучность, новое положение женатого мужчины подходило ему. Казалось, он обрел внутреннее спокойствие и уважение к себе, которые не могли поколебать ребяческие нападки. Все свободные дни он проводил с женой, а она иногда приезжала навестить его на неделе.

Силима была тихой миниатюрной женщиной с огромными темными глазами и копной черных кудрей. Она обожала «своего дорогого Горди», как она его называла, а он был предан ей. Женитьба отделила Горда от нас; теперь он казался старше своих товарищей-первокурсников.

Он решительно взялся за учебу. Я всегда знал, что он одарен в области математики и инженерного дела, но теперь стало ясно, что способности у него блестящие и до сих пор он просто топтался на месте. Горд больше не скрывал свой острый ум. Я слышал, что полковник Ребин вызывал его, чтобы обсудить с ним его будущее. Он освободил Горда от занятий математикой вместе с остальными первокурсниками и выдал ему книги для самостоятельного изучения. Мы по-прежнему оставались друзьями, но теперь, когда больше не нужно было помогать Спинку, проводили вместе не много времени. Подолгу мы разговаривали, только когда ему или мне приходили письма от Спинка.

Он писал нам обоим более или менее регулярно. Спинк пережил чуму, а вот его военная карьера — нет. Буквы у него получались неровными, а письма были короткими. Он не жаловался и не спорил с судьбой, но скупость строк говорила мне о разбитых надеждах. Теперь у него постоянно ныли суставы и болела голова, если он слишком долго читал или писал. По настоянию доктора Амикаса Спинка отчислили из Академии по состоянию здоровья. Он женился на моей кузине Эпини, и она ухаживала за ним, пока он болел. Они вместе уехали в поместье его брата в далеком Горьком Источнике. Тихая жизнь почтительного младшего сына не имела ничего общего с его мечтами о военной славе и быстром продвижении по службе.

Послания Эпини были наивно-откровенны и не менее многословны, чем разговоры. Я узнавал, какие цветы и деревья встретились им по пути в Горький Источник, какая погода стояла в каждый из дней и о малейшем событии, случившемся по дороге. Эпини променяла богатство моего дяди и роскошный дом в Старом Таресе на жизнь в приграничье. Ей казалось, что она будет хорошей женой для военного, но, похоже, ей пришлось стать сиделкой для мужа-инвалида. Спинку не суждено сделать собственную карьеру. Они будут жить в поместье брата, на его иждивении. Как бы он ни любил

Спинка, ему будет непросто прокормить брата и его жену на те скудные доходы, что дает поместье.

Я принялся ворочаться на постели. Трист прав, решил я. Никто из нас не проживет ту жизнь, на которую рассчитывал. Я пробормотал молитву доброму богу за всех нас и закрыл глаза, стараясь хотя бы немного поспать перед утренней побудкой.

Когда я вместе с товарищами встал на следующее утро, я чувствовал себя разбитым. За завтраком Рори попытался втянуть меня в разговор, но я отвечал односложно, да и остальные его не поддержали. Первым занятием в тот день было инженерное дело и рисование. Мне нравились уроки капитана Моу, несмотря на его предубеждение к сыновьям новых аристократов — таким, как я. Но чума унесла жизнь Моу, и нашим временным преподавателем стал кадет-третьекурсник. Кадет-сержант Вредо, похоже, считал, что дисциплина важнее знаний, и часто назначал взыскания тем, кто осмеливался задавать вопросы. Неряшливый кабинет капитана Моу, заполненный картами и макетами, был выпотрошен. Ряды парт и бесконечные лекции заменили экспериментирование. Я сидел, не поднимая головы, делал все, что полагалось, и не узнавал ничего нового.

Зато кадет-лейтенант Бейли прекрасно преподавал военную историю. Он явно любил этот предмет и читал куда больше, чем требовалось в рамках курса. Его лекция в тот день невероятно увлекла меня. Он рассказывал нам о влиянии гернийской цивилизации на жителей равнин. При жизни моего отца жители Поющих земель, наши традиционные враги, нанесли Гернии сокрушительное поражение. Гернии пришлось уступить им свои территории вдоль западного побережья. А король Тровен был вынужден обратить свой взор на неосвоенные земли на востоке.

Кочевые племена скитались по просторным степям и высоким плоскогорьям, будучи примитивным народом — без правительства, короля и с немногочисленными постоянными поселениями. Когда Герния начала расширять свои границы на восток, они вступили в бой, но их стрелы и копья оказались бессильны против современного вооружения. Мы разгромили их. Никто не сомневался, что это пойдет им на пользу.

— Когда Герния взяла на себя заботу о жителях равнин и их землях, они начали вести оседлую жизнь, строить настоящие города, заменившие временные поселения, разводить скот в загонах и выращивать для себя еду, вместо того чтобы добывать ее грабежом. На смену быстрым и невероятно выносливым лошадям, кормившим большинство жителей равнин, пришли сильные быки и лошади, приученные к плугу. Впервые за всю историю их дети узнают о пользе образования и письменности. Мы принесли им знание о добром боге взамен их ненадежной магии.

Лоферт поднял руку и заговорил прежде, чем преподаватель дал ему разрешение:

— А как насчет этих, которые называют себя защитниками, сэръ? Я слышал, как мой отец говорил другу, что они хотят вернуть жителям равнин наши земли и позволить им жить как раньше, словно дикие животные.

— Прежде чем задать вопрос, дождитесь разрешения, кадет. Кроме того, ваш комментарий был сформулирован не как вопрос. Но я на него отвечу. Некоторые люди считают, что мы в корне изменили жизнь кочевников слишком быстро, чтобы они смогли приспособиться. И в чем-то они, возможно, правы. Но с другой стороны, они, на мой взгляд, не отдают себе отчета в том, что именно предлагают. Нам следует спросить себя: было бы для жителей равнин лучше, если бы мы медлили, предлагая им блага цивилизации? Или это означало бы, что мы пренебрегаем своим долгом по отношению к ним? Напомню, что жителям равнин приходилось ради выживания полагаться на свою примитивную магию и заклинания. Больше они этого не могут. Отобрав у них магию, разве не должны мы заменить ее на современные инструменты? Железо, сама основа нашего развивающегося мира, стало проклятием для их магии. Железные плуги, которые мы им дали, чтобы пахать землю, разрушили «поисковую магию», помогавшую им в набегах. Кремень и сталь теперь необходимы для них, потому что их маги больше не могут вызывать огонь из дерева. Жители равнин, осев, могут доставать воду из колодцев. Маги воды, приводившие их к источникам вдоль кочевий, больше не нужны. Немногих оставшихся чародеев ветра встречают редко, а рассказы об их летающих коврах и крошечных лодках, мчащихся по воде в безветренную погоду, уже полагают сказками. Не

сомневаюсь, что при жизни следующего поколения они окончательно станут легендой.

Слова кадет-лейтенанта Бейли меня опечалили, я на мгновение вспомнил, как мельком видел чародея ветра на реке во время своего путешествия в Старый Тарес, как он расправлял маленький парус, чтобы поймать вызванный им самим ветер, и его крошечная лодочка мчалась портив течения. Это зрелище показалось мне волнующим и загадочным. И с горьким сожалением я вспомнил, чем все закончилось. Пьяные болваны, плывшие на нашей барже, изрешетили его парус, а вместе с ним — и магию, и он оказался в воде. Я решил, что он утонул, став жертвой злой выходки молодых аристократов.

— Свинец может убить человека, но магию уничтожает холодное железо. — Слова преподавателя вырвали меня из потока воспоминаний. — То, что наша более развитая цивилизация вытеснила примитивный жизненный уклад кочевников, — часть естественного хода событий, — продолжал он. — А чтобы не слишком зазнаваться, помните, что мы, гернийцы, тоже стали жертвами превосходящей технологии. Когда жители Поющих земель совершили открытие, позволившее их пушкам и ружьям стрелять дальше и точнее наших, они смогли разгромить нас и забрать у нас прибрежные провинции. Но как бы нас это ни возмущало, вполне естественно, что, достигнув более совершенной военной технологии, они отняли у нас все, что хотели. Не забывайте об этом, кадеты. Мы вступаем в век техники. Те же принципы применимы к завоеванию равнин. Обстреливая их воинов свинцовыми пулями, мы могли сохранить наши границы силой оружия, но не расширить их. И только когда кто-то понял, что холодное железо в состоянии причинить вред не только им самим, но и их магии, нам удалось сдвинуть границы и навязать им свою волю. Недостаток железных пуль в том, что их, в отличие от свинцовых, не так легко вернуть и переработать в полевых условиях, но он меркнет в сравнении с огромным преимуществом, которое дало нам их использование. Дикари полагались на свою магию, рассчитывая при помощи заклинаний отклонять наши выстрелы, пугать лошадей и вносить замешательство в наши ряды. Наше продвижение вглубь их земель, господа, так же неминуемо, как прилив и как наше поражение от Поющих земель. И, как и мы, жители равнин либо будут уничтожены новыми технологиями, либо научатся жить с ними.

— То есть вы считаете, что мы имеем полное право переступить через них? — напрямик спросил Лоферт.

— Поднимите руку и ждите разрешения задать вопрос, прежде чем говорить, кадет. Я вас уже предупреждал. Три наряда. Да. Я считаю, что мы вправе. Добрый бог дал нам способ одержать победу над жителями равнин и прийти туда, где прежде обитали лишь стада коз и дикие животные. Мы принесем в Средние земли цивилизацию к всеобщей выгоде.

Я поймал себя на раздумьях о том, что выиграла погибшие обеих сторон, сердито потряс головой и решительно отбросил циничные мысли. Я — кадет Королевской Академии каваллы. Как и положено второму сыну аристократа, я — сын-солдат своего отца и твердо последую по его стопам. Я рожден не для того, чтобы оспаривать устройство нашего мира. Если бы добрый бог хотел, чтобы я задумывался о правомерности нашего продвижения на восток, он сделал бы меня третьим сыном, рожденным стать священником.

В конце лекции я подул на свои записи, чтобы подсушить чернила, закрыл книги и вместе со своим патрулем отправился в казарму. Весна пыталась завладеть территорией Академии, но пока безуспешно. Ветер покусывал холодком, но оказаться на свежем воздухе было приятно. Я пытался прогнать мрачные мысли о судьбах жителей равнин. Как и сказал наш преподаватель, таков естественный порядок вещей. Кто я такой, чтобы с этим спорить? Я поднялся вслед за остальными по лестнице в нашу казарму и поставил на полку книги, которые требовались на утренних занятиях. На моей койке ждало меня толстое письмо от Эпини. Мои товарищи оставили меня сидеть на кровати, а сами поспешили на дневную трапезу. Я открыл конверт.

В начале письма Эпини, как обычно, спрашивала меня о здоровье и успехах. Я быстро пробежал глазами эту часть. Она благополучно прибыла в Горький Источник. Первое письмо Эпини о том, как она приехала в свой новый дом, было нарочито оптимистичным, но я почувствовал пропасть между ее ожиданиями и реальностью, с которой она столкнулась. Я сидел на койке и читал ее письмо одновременно с сочувствием и удивлением.

Женщины в поместье работают так же много, как и мужчины, вместе со слугами. Поговорка «Мужчине трудиться с зари до зари, а женской работе конца и не жди» явно описывает хозяйство леди

Кестер. После обеда, когда свет становится совсем тусклым и кажется, что пора бы и отдохнуть, один из нас читает вслух или играет для всех на каком-нибудь музыкальном инструменте, позволяя слегка отвлечься мыслями, но руки все равно заняты земными заботами: мы лушим сушеный горох, прядем шерсть (я горжусь тем, что уже неплохо с этим справляюсь) или распускаем старые свитера и одеяла, чтобы затем использовать нитки для новых полезных вещей. Леди Кестер ничего не тратит зря — ни клочка ткани, ни минуты времени.

У нас со Спинком свой славный маленький домик, построенный из камня, которого здесь хватает в избытке. Когда-то в нем был хлев, но он пришел в запустение после того, как умерли две последние коровы. Когда леди Кестер узнала о нашем приезде, она решила, что нам будет приятнее жить отдельно, и ее дочери привели его для нас в порядок. Внутри все побелено заново, а сестра Спинка Гера подарила нам лоскутное одеяло, которое сшила для своего приданого. Разумеется, в домике всего одна комната, но этого вполне достаточно для той мебели, что у нас есть. В углу стоит кровать, а стол и наши два стула — прямо около окна, выходящего на склон холма. Спинк говорит, что, когда закончатся поздние заморозки, мы сможем любоваться ковром из полевых цветов. Хотя, конечно, домик наш совсем простой и слегка старомодный, Спинк сказал, что, как только ему станет лучше, он настелет новый пол и починит трубу, чтобы она лучше вытягивала дым, а еще поправит дверь, и тогда она будет закрываться плотнее. Близится лето и с ним теплая погода, которой я жду с нетерпением. Надеюсь, что к тому времени, когда снова пойдут дожди и вернуться морозы, наш домик станет таким же уютным, как птичье гнездышко в древесном дупле. А пока, когда холодный ветер пробирается в щели в дверях или по ночам над ухом звенят комары, я спрашиваю себя: «Разве я не так же здорова и полна сил, как маленькие земляные белочки, которые скачут целый день, а на ночь укрываются в какой-нибудь норке? Конечно же, я могу брать с них пример и так же радоваться своей простой жизни». И так я себя и успокаиваю.

— Твоя кузина хотела бы быть земляной белочкой? — спросил меня Рори.

Повернувшись, я увидел, что он читает письмо, заглядывая через мое плечо. Я сердито уставился на него, а он, ничуть не смутившись, ухмыльнулся.

— Ты ведешь себя невоспитанно, Рори, и прекрасно об этом знаешь.

— Извини! — Он заухмылялся еще шире. — Я бы не стал читать, но подумал, что письмо от твоей подружки и там может оказаться что-нибудь любопытное.

Он ловко увернулся от моего удара.

— Не советую меня бить, кадет! — заявил он с напускной важностью. — Не забывай, что я старше тебя по званию. Кроме того, я с поручением. Доктор Амикас говорит, что ты должен явиться к нему. А еще он добавил, что, если ты не считаешь его просьбу посещать лазарет еженедельно важной, он может и приказать.

Меня пробрало холодком. Я не хотел снова встречаться с врачом Академии, но и раздражать вспыльчивого старика не собирался. Я все еще помнил, что я перед ним в долгу. Сложив письмо Эпини, я вздохнул и встал. Доктор Амикас был мне другом, хотя и в своеобразной бесцеремонной манере. Во время эпидемии он вел себя героически и, часто забывая об отдыхе, ухаживал за заболевшими кадетами. Я бы не выжил, если бы не он. Я знал, что чума его завораживала и что он мечтал выяснить, как она передается, а также составить описание процедур, спасавших жизни и оказавшихся совершенно бесполезными. Сейчас он работал над научным трудом, где подводил итог своим наблюдениям во время последней вспышки болезни. Он утверждал, что описание моего чудесного выздоровления после такой сильной формы болезни — часть его исследований, но я ужасно от всего этого устал. Каждую неделю он ощупывал, колол и измерял меня. Его манера речи заставляла меня чувствовать себя так, как будто я вовсе не поправился, а лишь переживаю затянувшийся период выздоровления. Мне отчаянно хотелось, чтобы он не напоминал мне о пережитом, хотелось оставить чуму в прошлом и перестать думать о себе как о калеке.

— Прямо сейчас? — спросил я Рори.

— Прямо сейчас, кадет, — подтвердил он.

Тон его был дружеским, но новая нашивка на рукаве подразумевала, что мне стоит отправляться немедленно.

— Я пропущу обед, — возразил я.

— Пара пропущенных обедов тебе не повредит, — многозначительно заметил он.

Я нахмурился, задетый его подколкой, но в ответ он только осклабился. Я кивнул и направился в лазарет.

В последние дни стояла теплая погода, парочка сбитых с толку деревьев начала цвести. Они отважно облачились в белые и розовые цветы, несмотря на то что уже начало холодать. Садовникам пришлось изрядно поработать, они убрали сломанные зимними бурями ветви деревьев и коротко подстригли траву.

По дороге в лазарет я прошел мимо огромной клумбы, где на ровном расстоянии друг от друга луковицы цветов выталкивали вверх зеленые острия листьев, — скоро здесь распустится много тюльпанов. Я отвернулся, зная, что лежит под этими стройными рядами. Они скрывали огромную братскую могилу, приютившую столь многих моих друзей. В самом центре стоял простой серый камень с надписью: «Наши погибшие товарищи». Когда началась эпидемия, в Академии объявили карантин. Даже когда она распространилась во всем городе, доктор Амикас продолжал настаивать на нашей изоляции. Покойников выносили из лазарета и казарм и складывали сначала рядами, а затем, когда их стало больше, грудами. Я был болен и не видел всего этого, как не видел и шнырявших здесь крыс и птиц-падальщиков, слетавшихся на пир стаями, несмотря на пронизывающий холод. Доктору Амикасу пришлось отдать приказ выкопать большую яму и сбрасывать тела туда, а затем засыпать слоями извести и земли.

Там лежал и Нейт. Я пытался не думать о том, как гниет его плоть, и о телах, сваленных в кучу с непристойным равнодушием подобных могил. Нейт заслуживал лучшей участи. Они все ее заслуживали. Я слышал, как один из новичков назвал это место «памятником битве дерьма с блевотиной». Мне хотелось ударить его. Я поднял воротник, защищаясь от холодного ветра, который впивался в меня своими ледяными зубами, и поспешил пройти мимо ухоженного сада, окутанного наступающими сумерками.

У двери в лазарет я замешкался, затем стиснул зубы и вошел. В пустом, голом коридоре пахло щелоком и нашатырем, но мне казалось, что запах болезни вьелся в его стены. Всего лишь пару месяцев назад в этом здании умирали многие из моих друзей и знакомых. И меня

удивляло, что доктор Амикас продолжает работать здесь. Что до меня — я бы сжег здание лазарета дотла и построил заново где-нибудь еще.

Когда я постучал в дверь его кабинета, доктор поторопил меня. Облака дыма от его трубки клубились в помещении.

— Кадет Бурвиль прибыл по вашему приказанию, сэр, — доложил я.

Доктор отодвинул стул от загроможденного бумагами стола и встал, снимая очки. Затем оглядел меня с ног до головы оценивающим взглядом.

— Тебе никто не приказывал, кадет, и ты это знаешь. Но мои исследования настолько важны, что, если ты не предпочтешь содействовать мне, я отдам приказ. Вместо того чтобы приходить тогда, когда это удобно тебе, тебе придется являться, когда будет удобно мне, а затем наслаждаться наверстыванием пропущенных занятий. Мы друг друга поняли?

Смысл его слов был резче, чем голос. Он говорил совершенно серьезно, но так, словно я был ему ровней.

— Я буду содействовать, сэр, — сказал я, расстегивая пуговицы мундира.

Одна из пуговиц повисла на нитке, оторвалась и улетела через все помещение. Доктор Амикас приподнял бровь:

— Вижу, ты продолжаешь прибавлять в весе.

— Я всегда прибавляю в весе, перед тем как начать прибавлять в росте, — ответил я, слегка оправдываясь: он уже в третий раз заговаривал о том, что я прибавляю в весе, и я считал, что с его стороны это несправедливо. — Думаю, это все-таки лучше, чем быть тощим как жердь — вроде Триста.

— У кадета Уиссома последствия чумы обычны. Твои — нет. Насколько это «лучше», еще предстоит увидеть, — задумчиво ответил он. — Ты заметил еще какие-нибудь изменения? Как дыхание?

— В порядке. Вчера мне пришлось маршировать, отрабатывая шесть взысканий, и я закончил тогда же, когда и все остальные.

— Хм.

Пока я говорил, доктор Амикас подошел ближе. Так, словно я был вещью, а не человеком, он осмотрел мое тело, заглянул в уши, глаза и нос, а затем выслушал сердце и дыхание. Он заставил меня бежать на месте добрых пять минут, затем снова проверил сердце и дыхание. Он

подробно все записал, взвесил меня, измерил рост и подробно расспросил, что я ел со вчерашнего дня. Но поскольку я ел только то, что нам выдавали, мне не составило труда ответить на его вопрос.

— Но ты все равно прибавил в весе, хотя и не стал есть больше? — спросил он меня, как будто сомневался в моей честности.

— Я не трачу денег, — сказал я ему, — и ем столько же, сколько ел, когда сюда приехал. А лишний вес — потому, что я скоро снова начну расти.

— Понятно. Ты в этом уверен, не так ли?

Я не стал ему отвечать, понимая, что вопрос риторический. Доктор Амикас наклонился за моей пуговицей и протянул ее мне:

— Пришей ее покрепче, кадет.

Он убрал записи в папку и со вздохом сел за стол.

— Через пару недель ты едешь домой, так? На свадьбу сестры?

— На свадьбу брата, сэр. Да, еду. Как только придут мои билеты. Отец написал полковнику Ребину с просьбой отпустить меня ради такого случая. Полковник сказал мне, что в обычной ситуации он строжайшим образом возражал бы против того, чтобы кадет пропустил месяц занятий ради присутствия на свадьбе, но, учитывая нынешнее качество наших занятий, он уверен, что я смогу наверстать пропущенное.

Доктор кивал, слушая меня. Он поджал губы, словно собираясь что-то сказать, замешкался и наконец проговорил:

— Мне кажется, это к лучшему, что ты поедешь на время домой. На барже?

— Часть пути. Остаток верхом. По дороге получится быстрее, чем по реке во время весеннего разлива. В конюшне Академии у меня есть своя лошадь. За зиму Гордецу не часто доводилось потрудиться. Это путешествие нас обоих приведет в форму.

Он устало улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Ну, будем на это надеяться. Можешь идти, Невар. Но зайди на следующей неделе, если еще не уедешь. Не заставляй меня напоминать тебе.

— Да, сэр, — подтвердил я и решился задать вопрос: — А как продвигаются ваши исследования?

— Медленно. — Доктор Амикас нахмурился. — У меня возникли разногласия с коллегами. Большинство из них настаивают, что нужно

искать лекарство. А я считаю, мы должны узнать, что вызывает болезнь, чтобы препятствовать ей. Как только разражается эпидемия, люди начинают быстро умирать. Если мы сможем задержать ее распространение, мы спасем больше жизней, чем если будем пытаться ее лечить, когда она уже обосновалась.

Он вздохнул, и я понял, что его тоже преследуют воспоминания. Доктор прочистил горло и продолжил:

— Я рассмотрел твоё предположение насчет пыли. Я не понимаю, почему причиной болезни следует считать именно ее.

Казалось, он забыл, что я всего лишь кадет, и, откинувшись на спинку стула, говорил со мной так, словно я был его коллегой.

— Ты знаешь, что, по моему мнению, вспышки и быстрота распространения чумы означают, что половой контакт — не единственный способ ее передачи. Но я все еще считаю, что самые опасные случаи связаны именно с такими контактами...

Он замолчал, давая мне возможность признать, что я знаю нечто о плотских утехах спеков. Я промолчал, потому что ничего такого не знал, по крайней мере наяву. Если бы солдаты каваллы могли заражаться венерическими болезнями в сновидениях, никто из нас не дожил бы до окончания Академии.

— Твоя версия о том, что в пыли, которую спеки разбрасывали во время танца, имелось нечто, вызвавшее чуму, увлекла меня, — наконец продолжил он. — К сожалению, хотя я сделал все возможное, чтобы опросить заболевших кадетов, пока они еще были в состоянии отвечать, смерть унесла многих из них, прежде чем я смог с ними поговорить. Поэтому мы никогда не узнаем, сколько из них видели танец Пыли и вдохнули ее частички. Однако в твоей теории есть несколько изъянов. По меньшей мере один кадет, капрал Рори Харт, видел танец, но не заболел. Он очень необычный человек. Он также признался и в... э-э... более чем случайном контакте с самими спеками — но без каких-либо последствий. Но даже если мы оставим в стороне Рори как особь с исключительно крепким здоровьем, останутся другие вопросы. Прежде всего, в таком случае спеки рискуют заболеть всякий раз, когда исполняют свой танец Пыли. Ты предположил, что спеки сознательно заразили нас чумой. Но стали бы они это делать с риском для себя? Думаю, нет. И прежде чем ты меня перебеешь... — он предупреждающе поднял руку, когда я сделал вдох, чтобы ему

возразить, — вспомни, что это не первая вспышка чумы спеков, которую я наблюдал. Как тебе, возможно, будет приятно узнать, первая произошла около Рубежных гор, и да, перед ней спеки исполняли танец. Однако среди заболевших тем летом было много их собственных детей. Мне трудно поверить, что даже примитивный народ станет намеренно заражать смертельной болезнью своих детей, чтобы отомстить нам. Разумеется, я полагаю возможным, что пыль разносит болезнь, но спекам про это ничего не известно. Простые, близкие к природе народы вроде спеков зачастую не понимают, что всякая болезнь имеет причину и, следовательно, ее можно предотвратить.

— Может быть, они добровольно заражают себя. Может быть, они думают, что она... скажем, является чем-то вроде волшебного отбора. Что детям, перенесшим ее, предназначено жить дальше, а те, кто умер, отправляются в какой-то иной мир.

Доктор Амикас тяжело вздохнул:

— Невар, Невар... Я врач. Мы не можем фантазировать, пытаюсь придать смысл собственной теории. Мы должны подстраивать теорию под факты, а не изобретать факты, чтобы поддержать теорию.

Я собрался ему возразить, но в очередной раз решил промолчать. Мне лишь приснилось, что причиной болезни была пыль. Мне приснилось — и «спек во мне» поверил в такое объяснение. Но возможно, это был предрассудок, а не правда. Я покачал головой. Собственные мысли, блуждающие по кругу, напоминали мне пса, гонящегося за своим хвостом.

— Могу я идти, сэр?

— Конечно. И спасибо, что пришел.

Я направился к двери, а он принялся набивать свою трубку.

— Невар! — Его оклик остановил меня у двери.

— Да, сэр?

Доктор Амикас ткнул трубкой в мою сторону:

— Тебя все еще беспокоят ночные кошмары?

Я отчаянно пожалел, что рассказал ему об этом.

— Только иногда, сэр, — уклончиво ответил я. — В остальное время я прекрасно сплю.

— Хорошо. Это хорошо. В таком случае увидимся на следующей неделе.

— Да, сэр.

Я поспешил уйти, прежде чем он смог снова меня задержать.

Близился весенний вечер, птицы устраивались на деревьях на ночлег, в казармах зажегся свет. Ветер стал заметно прохладнее, и я ускорил шаг. Мой путь пересекла тень одного из величественных дубов, растущих на территории Академии. Я ступил в нее, и тут же моя спина покрылась мурашками. Я заморгал, и в это мгновение остатки моего другого «я» взглянули моими глазами на ухоженный пейзаж и нашли его очень странным. Прямые дорожки и аккуратная зелень предстали вдруг нагими и лишенными жизни, а несколько старых деревьев — печальным напоминанием о лесе, который когда-то здесь рос. Все здесь было лишено беспорядочности дикой природы. Жизнь может распространяться лишь свободно. А открывшаяся моим глазам картина казалась безжизненной и уродливой, словно чучело животного со стеклянными глазами. И я вдруг остро затосковал по дому — по лесу.

После выздоровления мне снилась древесная женщина, в этих снах я был другим собой, а она казалась невероятно красивой. Мы прогуливались в пятнистом свете, просачивающемся сквозь кроны огромных деревьев, перебирались через упавшие стволы, сражались с густыми зарослями ползучих растений. Палая листва мягко пружинила под нашими босыми ногами. В случайных лучах солнца было видно, что у нас обоих пятнистая кожа. Она двигалась с тяжеловесной грацией полной женщины, давно привыкшей управляться с собственным телом, но не казалась мне неуклюжей — скорее, величественной. Как олень с ветвистыми рогами поворачивает голову, чтобы пройти по узкой тропе, так и она огибала препятствия, встречавшиеся на ее пути, не задевая даже тончайшей сети паутины. Неряшливый, дикий, прекрасный лес служил ей обрамлением. Здесь она была большой, пышной и красивой, словно великолепная жизнь, окружавшая нас.

В первую встречу, когда кочевник Девара назвал ее моим врагом, я увидел ее очень старой и отталкивающе жирной. Но в снах, последовавших за выздоровлением от чумы спеков, она казалась мне лишенной возраста, а роскошная округлость ее плоти манила.

Я рассказал доктору Амикасу о моих ярких кошмарах, но не упомянул, что эротических снов о лесной богине снится мне

значительно больше, чем страшных. Каждый раз я просыпался, чувствуя возбуждение, вскоре переходящее в стыд. И дело не только в том, что я воцелил женщину из племени спеков да еще со столь пышными формами, — я знал, что какая-то часть меня жила с ней в страсти и даже любви. Я чувствовал свою вину за животное спаривание, несмотря на то что все происходило во сне и без моего согласия. Я считал, что совокупляться с кем-то не моей расы противоестественно и является предательством. Она сделала меня своим любовником и попыталась направить против моего народа. Она прибегла к темной, извращенной магии, чтобы использовать меня в своих целях. Остатки этой магии продолжали цепляться за мои мысли, и именно они увлекали мою душу во тьму, где я по-прежнему мечтал о близости с ней.

В моих снах о ней она часто предостерегала меня, что теперь мной владеет магия. «Она будет использовать тебя, как сочтет нужным. Не противься. Не ставь между собой и ее зовом то, что важно для тебя, потому что магия, как наводнение, сметает все на своем пути. Отдайся ей, любовь моя, или она тебя уничтожит. Ты научишься ею пользоваться, но не для себя. Когда ты прибегнешь к магии, чтобы добиться того, чего она хочет, тогда ее могущество будет в твоём распоряжении. Но в любом другом случае мы — инструменты в руках этой силы». Она улыбнулась и ласково провела рукой по моей щеке. В том сне я схватил ее за руку и поцеловал ладонь, потом кивнул, принимая ее мудрость и свою судьбу. Я хотел отдаться магии, наполнявшей меня. Это казалось естественным. Чего еще я могу желать от своей жизни? По моим венам текла магия, такая же важная для меня, как кровь. Разве станет человек противиться биению собственного сердца? Разумеется, я сделаю все, что она пожелает.

Потом я просыпался и, словно в холодную реку, нырял в окружающую реальность, и она принимала меня и заставляла осознать свою истинную сущность. Время от времени, как и в тот раз, когда я проходил в тени дуба, живущий во мне чужак мог подчинить себе мое сознание и показать свое извращенное понимание моего мира. Но уже в следующее мгновение все возвращалось на свои места и иллюзия таяла.

Временами мне казалось, что, возможно, оба представления о мире равно правдивы и равно фальшивы. И тогда я разрывался, пытаюсь

понять, кто же я на самом деле. Я пытался убедить себя, что мои противоречивые чувства ничем не отличаются от испытанных моим отцом из-за некоторых его побежденных врагов-варваров. Он сражался с ними, убивал их или покорял, но в то же время уважал их и в каком-то смысле сожалел, что сам приложил руку к тому, чтобы их свободная жизнь закончилась. В конце концов я признал существование магии и перестал отрицать, что со мной произошло нечто странное и таинственное.

Добравшись до своей казармы, я взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. В Брингем-Хаусе имелись собственная маленькая библиотека и учебный зал на втором этаже. Там и собралось большинство моих товарищей, они сидели, склонившись над учебниками. Преодолев последний лестничный пролет, я остановился отдышаться. Из нашей спальни вышел Рори. Он ухмыльнулся, глядя, как тяжело я дышу.

— Рад видеть, как ты потеешь, Невар. Тебе стоит сбросить пару фунтов, иначе придется одалживать у Горда его старые рубашки.

— Смешно, — выдохнул я и выпрямился.

Я действительно тяжело дышал, и его насмешки ничуть не улучшили моего настроения.

Рори показал пальцем на мой живот:

— Эй, приятель, у тебя уже пуговица отлетела.

— В кабинете доктора, когда он тыкал в меня пальцами.

— Ну конечно! — подтвердил он с наигранной пылкостью. — Только все равно не забудь пришить ее сегодня вечером, а то получишь завтра лишнее взыскание.

— Знаю, знаю.

— Можно мне одолжить твои записи по черчению?

— Сейчас принесу.

Рори ухмыльнулся, растянув рот до ушей:

— Сказать по правде, я их уже взял. Я за ними и поднялся. Увидимся в учебной комнате. О, кстати, в пачку моих писем попало одно твое. Я оставил его на твоей койке.

— Не испачкай мои записи! — предостерег я его, но он уже мчался вниз по лестнице.

Покачав головой, я направился в нашу спальню.

Я снял куртку и швырнул на койку, а затем взял конверт. Почерк был незнакомым, но довольно скоро загадка разъяснилась, и я улыбнулся. В обратном адресе значились лавка писаря в Приюте Бурвиля и имя сержанта Эриба Дюрила. Я торопливо разорвал конверт, недоумевая, о чем он мог мне написать. Точнее, попросил написать за него. Умение читать — для большинства — и тем более писать редко могли похвастаться те, кто служил в прежней кавалле. Сержант Дюрил пришел к моему отцу, когда его военная служба подошла к концу, в поисках дома, где он мог бы провести остаток

жизни. Он стал моим воспитателем, наставником, а потом и другом. От него я научился всем основным навыкам, необходимым всаднику, служащему в кавалле, и узнал многое о том, что значит быть человеком и мужчиной.

Я дважды прочитал на удивление официальное письмо. Очевидно, писарь решил придать словам старого солдата более изящный вид, чем предпочел бы он сам. Его сожаления по поводу моей болезни и пожелания быстрого выздоровления звучали совсем не похоже на него. Только в самом конце, несмотря на правильность фраз, я прочел наставления, которые мог бы дать мне старый друг:

Даже полностью восстановившись после этой ужасной болезни, ты, я боюсь, заметишь, что изменился. Я видел собственными глазами, и нередко, что может сотворить чума со здоровьем юноши. Тело, которое ты так старательно годами совершенствовал под моим руководством, может ослабнуть и служить тебе куда хуже, чем в прошлом. Однако я должен напомнить тебе, что именно душа военного человека делает его тем, кто он есть, и я верю, что твоя душа останется верна призванию, уготованному тебе добрым богом.

Я глянул на дату, стоящую на конверте, и увидел, что письмо добиралось до меня довольно долго. Возможно, Дюрил держал его у себя несколько дней, пытаясь решить, посылать или нет. Или писарь отложил его в сторону и забыл вовремя отправить. В любом случае скоро я увижу сержанта Дюрила. Я улыбнулся, тронутый тем, что он потратил время и деньги, чтобы сообщить мне это. Я аккуратно сложил письмо и убрал на полку с книгами.

Затем я снова взял куртку и достал из сундучка, стоящего возле кровати, все необходимое для шитья, решив сперва заняться пуговицей, а уж потом уроками. Пока я искал место, от которого она отскочила, я обнаружил, что все пуговицы болтаются, а две так и вовсе вот-вот оторвутся.

Я, хмурясь, срезал пуговицы с рубашки и куртки. Я был уверен, что набранный мной лишний вес уйдет через пару месяцев, когда я вырасту. Но пока мне следовало позаботиться о том, чтобы пройти утреннюю поверку. Пришивая пуговицы, я чуть сдвинул их, чтобы потом дышать посвободнее. Когда я снова надел рубашку и куртку, я решил, что стало значительно удобнее, хотя в плечах все равно

немного тянуло. Ну, тут я ничего поделывать не мог, на такую сложную переделку моего мастерства явно не хватило бы. Я нахмурился: мне совсем не хотелось быть на свадьбе брата в одежде не по размеру. Карсина, моя невеста, тоже там будет, и она очень просила меня надеть форму. Ее платье будет такого же зеленого цвета. Я улыбнулся: сколько внимания уделяют девушки подобным глупостям. Ну, без сомнения, моя мать сможет переделать форму как надо, если, конечно, я не похудею по дороге домой, на что я очень рассчитывал.

Поколебавшись немного, я срезал пуговицы на брюках и тоже перешил их так, чтобы стало свободнее. Чувствуя себя значительно лучше, я взял учебники и отправился вниз, чтобы присоединиться к товарищам.

Учебная комната в Брингем-Хаусе отличалась от той, в которой мы занимались в Карнестон-Хаусе. Вместо длинных столов на козлах и жестких скамеек здесь стояли круглые столы со стульями и горел яркий свет. Около камина были расставлены мягкие кресла для тихой беседы. Я нашел место рядом с Гордом, положил книги и сел. Он поднял голову и улыбнулся:

— Приходил посыльный, когда тебя не было. И передал тебе вот это.

«Это» оказалось толстым коричневым конвертом, на котором стоял адрес моего дяди. Я быстро его вскрыл. Как я и предполагал, в нем лежал билет на пароход до Сортона, а также поручительство в банк моего отца в Старом Таресе, чтобы мне выдали деньги, необходимые для путешествия. В записке мой дядя написал, что отец просил его все устроить и что он надеется увидеть меня, перед тем как я отправлюсь домой на свадьбу.

Странное дело. Пока я не взял в руки этот конверт, я был всем доволен и даже рад оставаться в Академии. Теперь же мне вдруг отчаянно захотелось домой, и я понял, что очень соскучился по родным. У меня сжалось сердце, когда я подумал о своей младшей сестренке Ярил и ее бесконечных вопросах, о матери и особых сливовых пирогах, которые она пекла для меня каждую весну. Я скучал по всем — по отцу, старшему брату Россу, даже по старшей сестре Элиси и ее непрерывным советам.

Но главное место в моих мыслях занимала Карсина. Ее короткие письма ко мне становились все более нежными и кокетливыми. Я

страстно желал ее увидеть и уже придумал несколько способов, чтобы ненадолго остаться с ней наедине. После свадьбы Эпини и Спинка мной ненадолго овладели сомнения насчет себя и Карсины. Невесту мне выбрали родители. Изредка мне доводилось сомневаться в том, что мой отец знает, как будет для меня лучше. Сумели ли мои родители найти женщину, с которой я смогу жить мирно, если не счастливо, до конца своей жизни? Или ее выбрали ради заключения политического союза с соседом из новых аристократов, рассчитывая, что ее тихий нрав не доставит мне затруднений?

Я решил, что до возвращения в Академию должен узнать ее сам. Мы поговорим, и не о природе или о том, понравился ли ей обед. Я узнаю, как она относится к тому, чтобы стать женой солдата, и не мечтает ли она совсем о другом. С мрачной усмешкой я подумал, что Эпини разрушила мои представления о женщинах. До того как я встретился со своей эксцентричной и крайне современной кузиной, я не задумывался, о чем размышляют мои сестры, когда рядом нет отца, чтобы присматривать за ними. Познакомившись с острым умом и ядовитым язычком Эпини, я уже никогда не смогу отводить женщине покорную, подчиненную роль. Не то чтобы я надеялся, что Карсина втайне так же умна, как Эпини. Честно говоря, я этого совсем не хотел, но предполагал, что мой скромный маленький цветок скрывает в себе гораздо больше, чем мне казалось. А если так, я должен узнать все, прежде чем мы обвенчаемся и будем отданы друг другу до конца наших дней.

— Что-то ты надолго замолчал. Плохие новости? — серьезно спросил меня Горд.

— Напротив, братец, — ухмыльнувшись, ответил я. — Хорошие новости, просто великолепные! Завтра я отправляюсь домой, чтобы присутствовать на свадьбе брата.

Глава 2

Дорога домой

Мой отъезд из Академии оказался не таким быстрым и легким, как я надеялся. Когда я отправился в кабинет командующего доложить, что я получил билет и готов к отъезду, он приказал мне предупредить всех преподавателей и взять у них задания, которые я должен выполнить до возвращения в Академию. Я этого не ожидал, надеясь, что на некоторое время освобожусь от учебников. Большая часть дня ушла на то, чтобы выполнить приказ, поскольку я не решался прерывать занятия. Потом выяснилось, что собрать вещи гораздо труднее, чем я думал, потому что мне пришлось взять с собой книги, но все равно путешествовать налегке, чтобы вещи уместились в седельные сумки Гордеца.

Прошли месяцы с тех пор, как моему мерину приходилось нести на себе что-нибудь, кроме меня, и он, казалось, надулся, когда я закреплял на нем седельные сумки. По правде говоря, я был этому рад не больше его. Я гордился своей заметной формой и отличным конем; и мне было стыдно ехать на нем через Старый Тарес, нагрузив его, точно он мул, а я грубый крестьянин, везущий картошку на рынок. Я попытался унять раздражение, поскольку понимал, что виной ему тщеславие. Я затянул ремни, сотворил знак древнего заклинания «Держись крепко» над пряжками и вскочил в седло.

В билете говорилось, что отплытие назначено на завтрашний вечер. Спешить было некуда, но я хотел как следует устроиться в своей каюте, прежде чем отдадут швартовы. Я заехал к дяде, чтобы попрощаться, а также узнать, не хочет ли он передать что-нибудь моему отцу. Он тут же спустился, чтобы встретить меня, и пригласил в свой кабинет. Дядя изо всех сил старался быть радушным, но между нами все равно оставалась некоторая напряженность. Он казался старше, чем когда я увидел его впервые, и я подозревал, что его жена Даралин так его и не простила после дерзкой выходки Эпини. Та убежала из дома в разгар эпидемии, чтобы оставаться рядом со

Спинком и ухаживать за ним. Для девушки ее возраста и положения это было немислимо и отрезало ей возможность выйти замуж за сына какого-нибудь старогю аристократа.

Разумеется, сама Эпини все это прекрасно понимала. Она сознательно уничтожила свое блестящее будущее, чтобы ее матери не осталось ничего, кроме как принять предложение семьи Спинка. Брачный союз с семьей нового аристократа, без солидного состояния, владеющей всего лишь жалким имением на границе, огорчал и ужасал Даралин. Тактика Эпини была жестокой, она позволила ей взять собственную судьбу в свои руки, но и разорвала дочерние узы. Я слышал, как бесхитростная сестра Эпини, Пурисса, сказала, что теперь она стала любимой дочерью матери и драгоценностью будущего. Я не сомневался, что она лишь повторяла слова, которые слышала от Даралин.

Поэтому, когда дядя предложил мне сесть и послал слугу за легкими закусками, я остался стоять и сказал, что должен спешить, чтобы не опоздать к отплытию. Горькая улыбка тронула губы моего дяди.

— Невар, ты забыл, что билет для тебя по просьбе твоего отца покупал я? У тебя полно времени. Единственное, что тебе осталось сделать, — это зайти в банк и взять там деньги на дорожные расходы. Пожалуйста, садись.

— Спасибо, сэр, — сказал я и повиновался.

Он коротко переговорил со слугой и, вздохнув, сел сам. Затем посмотрел на меня и покачал головой.

— Ты держишься так, как будто мы с тобой в ссоре. Или как будто я на тебя сержусь.

Я опустил глаза под его взглядом.

— Вы вправе сердиться, сэр. Именно я привел сюда Спинка. Если бы я не познакомил его с Эпини, ничего бы не случилось.

Он фыркнул:

— Нет. Без сомнения, случилось бы что-нибудь еще, столь же неприятное. Невар, ты забываешь, что Эпини моя дочь, я знаю ее с рождения, и, даже если я не до конца понимал, на что она способна, я тем не менее видел, что у нее пылливый ум, неукротимый дух и сила воли, позволяющая осуществить любой задуманный план. Ее мать может считать тебя виновным, но она любит возлагать на людей

ответственность за вещи, которыми те не могут управлять. Я стараюсь не совершать таких ошибок.

Его голос звучал печально и устало, и, несмотря на чувство вины или, возможно, из-за него, мне стало его жаль. Он прекрасно ко мне относился, почти как если бы я был его собственным сыном. Несмотря на то что мой отец получил титул, они остались близки. Я знал, что в большинстве благородных семей, где наследники старой аристократии считали своих младших братьев, боевых лордов, соперниками, дело обстоит иначе. Родственники Спинка не общались с ним и отказались помогать его овдовевшей матери. Разумеется, неприязнь моей тети ко мне во многом объяснялась тем, что она относилась к моему отцу как к выскочке, которому следовало бы оставаться простым военным. Многие представители старой знати считали, что король Тровен возвысил боевых лордов из политических соображений, чтобы разбавить Совет лордов новыми аристократами, преданными и с пониманием относящимися к его намерению расширить территории Гернии за счет завоеваний на востоке. Возможно, они были правы. Я откинулся на спинку стула и вымученно улыбнулся дяде.

— Мне все равно кажется, что я ответствен за случившееся, — тихо проговорил я.

— Да, ты так устроен. Забудь, Невар. Если я правильно помню, не ты пригласил Спинка в наш дом. Эпини увидела его рядом с тобой, когда мы приехали в Академию, чтобы забрать тебя к нам. Кто знает? Возможно, именно в то мгновение она решила, что выйдет за него замуж. Очень в ее духе. Кстати, раз уж мы обсуждаем ее и Спинрека, расскажи мне, есть ли какие-нибудь новости от твоего друга. Мне не терпится узнать, как поживает моя заблудшая дочь.

— Она вам не пишет? — спросил я, не в силах скрыть изумление.

— Ни слова, — печально ответил он. — Мне казалось, что мы расстались... ну, если не в самых лучших отношениях, то по крайней мере с пониманием, что я ее по-прежнему люблю, даже если не всегда одобряю ее решения. Но с тех самых пор, как она покинула мой дом, я не получил ни строчки ни от нее, ни от Спинрека.

Его голос звучал ровно и спокойно, но боль, которую он испытывал, все равно прорывалась наружу. Я тут же рассердился на Эпини. Почему она так жестоко обращается с отцом?